

В. В. Волобуев
**Польша в советском блоке:
от «оттепели» к краху режима**

Холодная война

Вадим Волобуев

**Польша в советском блоке:
от «оттепели» к краху режима**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2018

УДК 94(438)"1956/1980"
ББК 63.3(4Пол)

Волобуев В. В.

Польша в советском блоке: от «оттепели» к краху режима /
В. В. Волобуев — «Русский фонд содействия образованию и
науке», 2018 — (Холодная война)

ISBN 978-5-91244-229-2

В настоящем издании освещены малоизученные проблемы польской истории периода «оттепели» и «развитого социализма» (1956–1980 гг.). Используя большой массив документов польских и российских архивов, автор знакомит читателя с фактами и событиями, оказавшими огромное влияние на мировосприятие современных поляков, но остающимися малоизвестными за пределами страны. В книгу, ставшую плодом многолетних исследований истории Польши второй половины XX века, вошли работы, публиковавшиеся в разные годы в научной периодике. Статья «Сионисты и партия. О роли антисемитизма в борьбе группировок внутри Польской объединенной рабочей партии» издается впервые.

УДК 94(438)"1956/1980"

ББК 63.3(4Пол)

ISBN 978-5-91244-229-2

© Волобуев В. В., 2018

© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2018

Содержание

Введение	6
«Сионисты» и партия. О роли антисемитизма в борьбе группировок внутри Польской объединенной рабочей партии	9
1. Положение евреев в довоенной Польше	9
2. Вторая мировая война и участие евреев в формировании просоветских органов власти	13
3. Первые послевоенные годы.	15
4. Общественно-политический кризис 1956 г. и обострение межнациональных противоречий	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вадим Волобуев

Польша в советском блоке: от «оттепели» к краху режима

© Волобуев В. В., текст, 2018

© Цыганкова А. А., дизайн и оформление обложки, 2018

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2018

* * *

В книге использованы материалы архивов:

ААН – Архив новейшей документации (Варшава)

IPN BU – Институт национальной памяти Бюро доступа (Варшава)

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории

Введение

В период существования советского военно-политического блока (1945–1989 гг.) Польшу часто называли «самым веселым баракком нашего лагеря». Причиной такой характеристики являлось то, что в социалистической Польше сохранились «пережитки» капиталистического прошлого, с которыми новая власть так и не смогла справиться: господство индивидуального хозяйства в деревне, сильные и независимые позиции церковной иерархии, наличие мелкого предпринимательства в городе и т. д. Позднее, в 1960-е и 1970-е гг., к ним добавились некоторые другие черты западного образа жизни, такие как поездки граждан страны за границу на заработки, ночные стриптиз-клубы, гастроли музыкальных групп из капиталистических стран, ежегодный рок-фестиваль в Яроцине («польский Вудсток») и др.

Особое положение Польши осознавал уже И. В. Сталин, когда не решился в ходе коммунизации страны отнять у поляков старые символы государства (флаг, герб и гимн). Заметим также, что Польша оказалась единственной страной советского блока, в которой не состоялось крупного судебного процесса над коммунистическими «отступниками», т. е. теми коммунистами, которые не разделяли взгляды Сталина на методы построения социализма.

Было бы, наверное, преувеличением сказать, что Польша постоянно являлась причиной беспокойности советских руководителей или что она находилась у них на особом счету. И всё же нельзя не отметить, что динамика общественно-политических изменений в стране нередко заставляла Москву пристально вглядываться в польские события. Несомненно, интерес к Польше как со стороны советской верхушки, так и в мире достиг своего пика во время деятельности независимого самоуправяемого профсоюза «Солидарность», который в 1980–1981 гг. чуть было не совершил «мирную контрреволюцию» (пользуясь фразеологией партийных функционеров), т. е. едва не отстранил от власти правивших с 1944 г. коммунистов. Но и без этого Польша предоставляла Москве немало поводов для тревоги: достаточно сказать, что после 1956 г. все до единого партийные лидеры вынуждены были преждевременно уходить в отставку. Для государств советского типа, где глава партии, как правило, занимал этот пост пожизненно, эта польская особенность являлась чем-то исключительным.

За тот краткий период, который отпустила Польской народной республике (ПНР) история, это государство прошло несколько этапов развития. Первый, относящийся к 1944–1948 гг., характеризовался подавлением открытой политической оппозиции и боевого антикоммунистического подполья, восстановлением разрушенной в ходе Второй мировой войны страны, национализацией промышленности и массовыми переселениями граждан: как из-за рубежа (репатриация советских поляков), так и внутри новых границ государства (наплыв крестьян в города, депортация украинцев в ходе акции «Висла», еврейская эмиграция). Второй период (1948–1956 гг.) – это попытка копирования Советского государства во всех областях (коллективизация, наступление на церковь, форсированная индустриализация, массовые репрессии). Третий период (1956–1981 гг.) – это осуждение сталинизма и возвращение к стратегии «польского пути к социализму», колебания политического курса от «оттепели» к новому «закручиванию гаек» и, наконец, моральное банкротство партии, вынужденной для спасения строя в декабре 1981 г. прибегнуть к помощи армии. Четвертый (1981–1989 гг.) – это лихорадочные поиски выхода из кризиса, экономические и политические лавирования властей (от военной диктатуры к переговорам с оппозицией, от карточной системы к либеральным реформам) и крушение режима, потерпевшего поражение на первых свободных выборах. После этого начинается история Третьей республики (Первой считается шляхетская Речь Посполитая, Второй – межвоенная Польша), главной отличительной чертой которой, кроме парламентской демократии и частной собственности в промышленности, считается полноценный суверенитет государства. Иначе говоря, ПНР в современных оценках не рассматривается в качестве

полностью независимого государства, так как в своей политике вынуждена была действовать с оглядкой на восточного соседа, который стоял на страже социалистического строя внутри страны (в связи с этим неизменно указывается на пример Венгрии и Чехословакии, которые однажды попытались выйти из этой зависимости, за что поплатились советской интервенцией в 1956 и 1968 г. соответственно). Утверждается, что Польша также несколько раз (в 1956, 1970 и 1981 г.) балансировала на грани интервенции Советского Союза, но местная партийная верхушка сумела удержать события под своим контролем и отвести грозу.

Представленные в сборнике статьи обращаются в основном к третьему периоду истории ПНР, самому спокойному и благополучному из всех. Обычно он не привлекает внимания историков, заслоненный послевоенным временем и 1980-ми годами, когда Польша была в заголовках мировой прессы. Но в этот отрезок времени, как показано в сборнике, тоже происходили бурные события (наиболее драматичное из которых – рабочее восстание декабря 1970 – января 1971 г. на Побережье). Именно тогда формировалась оппозиция, ставшая интеллектуальной опорой движения «Солидарность» в 1980-е гг., именно тогда выросли будущие лидеры Третьей республики. Эту тему так или иначе затрагивают пять статей сборника: «Клуб Кривого колеса в Варшаве как научно-просветительское сообщество и предтеча оппозиционной организации», «Литературная оппозиция и “оттепель” в Польше», «Проблема рабочего самоуправления в общественно-политической системе ПНР и рабочие выступления в 1956–1980 гг.», «Философ перед лицом власти. Как исключали из партии Лешека Колаковского», «Правый фланг политической оппозиции в Польше (1956–1980 гг.)».

Звездному часу оппозиции – переговорам с властями в 1989 г. и переходу к Третьей республике – посвящена еще одна статья: «Круглый Стол: ожидания и действительность», одна из немногих, выходящих за хронологические рамки 1956–1980 гг. Этот текст является весьма актуальным для понимания ситуации в современной Польше, где к власти пришла консервативная партия «Право и справедливость», остро критикующая многих деятелей левого фланга бывшей оппозиции за «уступчивость» по отношению к коммунистам, допущенную четверть века назад. Истоки нынешнего размежевания в Польше на «либералов» и «патриотов» (т. е. на сторонников «Гражданской платформы» Д. Туска и «Права и справедливости» Я. Качиньского соответственно) уходят именно в тот переломный момент польской истории. Примыкают к этому блоку в некотором отношении статьи «Католическая церковь и общественно-политический кризис в Польше в декабре 1970 – январе 1971 г. (по материалам Архива внешней политики РФ)» и «Е. Гедройц и Ю. Мерошевский о формировании восточного направления внешней политики современной Польши». Если первая непосредственно затрагивает одну из вех истории Польши XX в. – восстание рабочих Побережья, ставшее провозвестником «Солидарности», то вторая анализирует взгляды крайне популярных в среде оппозиции эмигрантских мыслителей, нашедшие свое отражение в период краха Народной Польши и рождения Третьей республики.

Две другие статьи описывают некоторые аспекты политической борьбы внутри правившей в ПНР Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Это «“Сионисты” и партия. О роли антисемитизма в борьбе группировок внутри Польской объединенной рабочей партии», а также «Внутрипартийная борьба в Польше и охлаждение советско-китайских отношений в конце 1950-х гг.». Они помещены в сборнике первыми не только потому, что проливают свет на генезис правящего режима, но и потому, что дают представление о политических кризисах в ПНР (так называемых «польских месяцах»), обусловивших в значительной мере историческую традицию и самосознание современных поляков.

Наконец, два текста относятся к событиям очень важного для поляков 1968 года, когда репрессии против бунтующих студентов привели к подавлению внутрипартийной оппозиции («ревизионизма»), а ввод войск в Чехословакию вызвал переоценку ценностей у фрондирующих марксистов и их отход от коммунистических взглядов. Тексты дополняют друг друга,

показывая, как на события в Чехословакии реагировал глава партии («Владислав Гомулка и подавление “Пражской весны”. О некоторых взглядах польского партийного лидера на реформы в Чехословакии») и как на них смотрел народ («Об отношении польского общества к реформам в Чехословакии в 1968 г.»).

Поскольку в сборнике представлены статьи за довольно длительный период, во многих из них не учтены достижения новейшей историографии. Предугадывая этот минус, автор постарался выбрать такие работы, в которых наиболее широко представлены архивные материалы – всегда актуальная база любого исторического исследования.

Несомненно, данный сборник не может служить всеобъемлющим руководством по истории ПНР, так как в нем не подняты либо затронуты вскользь некоторые важные проблемы того периода: экономическое развитие, социальные трансформации, взаимоотношения государства и католической церкви, лево-оппозиционное движение, эмигрантские структуры, внешняя политика и т. д. Автор намеренно сделал упор на общественно-политические события, исследовав те области, которые до сих пор не получили полноценного освещения в отечественной историографии: «еврейский вопрос», антикоммунистические организации правого толка, проблема рабочего самоуправления и др. Автор надеется, книга станет хорошим подспорьем для всех интересующихся польской историей.

«Сионисты» и партия. О роли антисемитизма в борьбе группировок внутри Польской объединенной рабочей партии

1. Положение евреев в довоенной Польше

До Второй мировой войны Польша была страной с наибольшим процентом еврейского населения в мире (3 130 581 согласно переписи 1931 г., что составляло 9,8 % населения страны)¹. Из них на идише говорили 2,7 млн, т. е. 8,6 % от общей численности населения Польши². Столь высокий процент «нетитульной нации» в стране, резко отличавшейся от нее своими обычаями и культурой, вызвал широкое распространение антисемитских настроений, подогревавшихся нараставшей конкуренцией между польской и еврейской буржуазией в период развития капиталистических отношений. После прихода к власти в соседней России большевиков к обычной неприязни добавились подозрения в просоветской ориентации евреев. При этом ярлык «жидо-коммуны» часто клеился не только на евреев-коммунистов, но и на социалистов, позволявших себе высказывать антикатолические и антиправительственные взгляды³.

Свою лепту в распространение антисемитизма вносили также католическая церковь и связанная с ней пресса, традиционно с неприязнью смотревшие на иудаизм. Например, открыто юдофобскую позицию занимал варшавский митрополит кардинал Александр Каковский, видевший в евреях источник всех «подрывных» общественно-политических течений в Польше (от коммунизма до масонства)⁴. Не был чужд этой точки зрения и глава римско-католической церкви Польши кардинал Август Хлэнд, увязавший в своем папском послании от 29 февраля 1936 г. коммунистическую пропаганду с деятельностью евреев⁵. В период наступления Красной армии на Варшаву в июле 1920 г. польский епископат обратился с воззванием к соотечественникам, указав, что во главе коммунистов стоят евреи, «у которых в крови ненависть к христианству»⁶. Среди массы польского духовенства не было сомнений также и в подлинности «Протоколов сионских мудрецов», каковые нередко приводились в качестве доказательства зловредной сущности всех евреев⁷.

Провозглашение Второй Речи Посполитой словно стало сигналом для череды погромов. Уже в ноябре 1918 – августе 1919 г., согласно данным комиссии американского сенатора Генри Моргентау, произошло восемь антисемитских «эксцессов», спровоцированных польским населением, солдатами и местными властями: в Вильнюсе, Минске, Львове, Кольбушовой, Ченстохове, Пинске, Кельце и Лиде. Суммарно в них погибло 280 человек⁸. Неудивительно, что в период польско-большевистской войны, по утверждению члена Реввоенсовета XV армии Западного фронта РККА Д. В. Полуяна, были отмечены многочисленные случаи проявления

¹ Markus J. Social and political history of the Jews in Poland. 1919–1939. Berlin, 1983. P. 16.

² Eisler J. Polski rok 1968. Warszawa, 2006. S. 91.

³ Chodakiewicz M. J. Żydzi i Polacy. 1918–1955. Współistnienie – zagłada – komunizm. Warszawa, 2000. S. 50.

⁴ Pałka D. Kościół katolicki wobec Żydów w Polsce międzywojennej. Kraków, 2006. S. 137. 5

⁵ Ibid. S. 183–184.

⁶ Ibid. S. 180.

⁷ Ibid. S. 141.

⁸ Raport Morgenthau // Сайт http://niniwa22.cba.pl/raport_henryego_morgenthau.htm (Ursynowicz M. Raport Henry'ego Morgenthau. Przemoc antyżydowska podczas wojny z Rosją bolszewicką // Buletyn IPN – № 11, 2010). Проверено 13.02.2018.

просоветских симпатий со стороны евреев, причем независимо от их социального происхождения⁹. Эта ситуация повторилась в 1939–1941 гг., когда Советский Союз присоединил к себе восточную половину Польского государства. Евреи в целом достаточно тепло встретили советскую власть. Причинами этого были, во-первых, боязнь оказаться в нацистской зоне оккупации, а во-вторых, дискриминация лиц иудейского вероисповедания в Польше¹⁰. Тайный курьер польского эмигрантского правительства Ян Карский сообщал в феврале 1940 г.: «Евреи вступают в политические ячейки. Они взяли в свои руки большинство политических и административных учреждений, играют важную роль в профсоюзах, школах, и прежде всего – в торговле... Польское общественное мнение считает, что евреи благосклонно относятся к большевикам. Повсеместно распространено убеждение, что евреи предали Польшу и поляков... Но самое худшее, что евреи доносят на поляков, исподтишка направляют работу милиции и несправедливо критикуют жизнь в довоенной Польше...»¹¹ Общественное мнение в данном случае, как это часто бывает, не проявило объективности к евреям, многие из которых также пострадали от новой власти (в особенности выходцы из обеспеченных слоев), однако это не отменяет того факта, что среди евреев большевики нашли намного более значительную поддержку, чем среди поляков. Аналогичной была и реакция последних: сразу после вторжения фашистов в СССР начались кровавые погромы, инициированные местными жителями. Наиболее жестокая расправа произошла 10 июля 1941 г. в городке Едвабне (недалеко от Ломжи), где в овине было сожжено несколько сотен человек.

Конституция Польского государства гарантировала всем нациям равные права. Однако на деле это положение не всегда соблюдалось. «Арийский параграф», применявшийся во многих учреждениях, не позволял евреям делать карьеру, в 1923 г. обсуждался вопрос о введении лимита для лиц иудейского вероисповедания на поступление в вузы. Смена правительства сорвала воплощение данного проекта, однако после смерти Юзефа Пилсудского, выступавшего против дискриминации нацменьшинств, многие вузы приняли у себя правило, согласно которому евреи могли составлять не более 10 % от общего числа учащихся. При этом они обязаны были занимать «лавки-гетто», то есть сидеть отдельно от остальных студентов.

Еще более радикальные меры антисемитского характера предпринимали сторонники шовинистически настроенной Национально-демократической партии, лидер которой, Роман Дмовский (один из «отцов польской независимости»), написал ряд художественных и публицистических произведений откровенно юдофобской направленности. Национал-демократы осуществляли разгромы магазинов, принадлежавших евреям, и призывали бойкотировать их товары.

Такое положение дел заставляло евреев бороться за реальное равноправие. Во Второй Речи Посполитой существовало большое количество общественных и политических организаций евреев, различных по своей идеологической направленности, выходило более ста периодических изданий на идише. Основная масса еврейского населения группировалась вокруг традиционалистской партии «Агудат Исраэль», социалистического «Бунда», нескольких сионистских партий, а также марксистско-сионистского «Поалей-Циона». В Сейме еврейские депутаты обычно входили в состав блока национальных меньшинств.

Лидирующие позиции среди польских евреев удерживали сионисты и «Агудат Исраэль». Последний насчитывал в 1930-е гг. 60 тыс. членов и был самой многочисленной еврейской партией межвоенной Польши¹². Однако налицо было постепенное усиление левых партий. Если в 1920-е гг. традиционалисты и сионисты попеременно завоевывали до сорока с небольшим

⁹ Михутина И. В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994. С. 191.

¹⁰ Wierzbicki M. Stosunki polsko-żydowskie na Zachodniej Białorusi w latach 1939–1941 // Wokół Jedwabnego. Pod red. P. Machcewicza i K. Persaka. Warszawa, 2002. S. 130–132.

¹¹ Цит. по: Chodakiewicz M. J. Op. cit. S. 135–136.

¹² Markus J. Op. cit. P. 281.

процентов голосов еврейских избирателей¹³, то в 1930-е гг. всё более ощутимым влиянием начали пользоваться «Бунд» и коммунисты. Так, например, «Бунд», который в 1922 г. получил лишь 12 % голосов еврейских избирателей, в 1938 г. достиг порога в 40 %. При этом численность партии не превышала 20 тыс. человек (плюс еще 10 тыс. членов ее молодежных структур, и 10 тыс. – детских)¹⁴.

Весьма ощутимой была поддержка евреев и для запрещенной властями Компартии. В 1934–1935 гг., когда влияние коммунистов в стране достигло пика, треть членов Национального совета классовых профсоюзов евреев (структуры, сколоченной «Левым Поалей-Ционом», «Бундом» и КПП) были коммунистами¹⁵.

В 1934 г. в КПП (вместе с ее автономными подразделениями – Компартией Западной Украины и Компартией Западной Белоруссии) состояло 10 300 членов, а в сентябре 1936 г. – 13 485¹⁶. В структуре КПП по образцу ВКП(б) существовало Центральное бюро евреев. В 1930 г. евреи составляли 35 % численности КПП, а в 1932 г. – 24 %. В дальнейшем число евреев в партии только росло. В 1931–1934 гг. даже действовала Еврейская партия труда, являвшаяся легальным продолжением Компартии Западной Украины. Наибольший процент евреев был в варшавской парторганизации: в 1930 г. из 630 местных коммунистов 280 были евреями, а в 1937 г. из 1215 членов евреев было уже 800 человек¹⁷. Это неудивительно, поскольку евреи составляли на тот момент треть населения польской столицы¹⁸.

Число евреев в руководстве партии было не менее значительным. Например, в январе 1936 г. из 30 секретарей и заместителей секретарей ЦК КПП евреями были 12 человек, а во всём ЦК, вместе с ЦК КПЗУ и ЦК КПЗБ, был 21 еврей (из 52 членов). Жестокая чистка рядов, проведенная по требованию руководства Коминтерна, привела к тому, что к декабрю того же года состав ЦК КПП (без ЦК КПЗУ и ЦК КПЗБ) сократился до 15 человек, из которых было 8 евреев. Среди 18 секретарей окружных комитетов КПП также было 8 евреев¹⁹.

Весьма близка к коммунистам по идеологическим установкам была партия «Левый Поалей-Цион», возникшая в 1920 г. в результате разногласий в Поалей-Ционе по вопросу о вхождении в Коммунистический интернационал. На короткий промежуток времени, до 1924 г., партия даже объединилась с КПП. Затем наступило новое размежевание, однако ряд деятелей «Левого Поалей-Циона» так и остался в составе Компартии. Среди них был Альфред Лямпе, который позднее, когда вся верхушка партии пала жертвой сталинских репрессий, на короткий срок (до своей смерти в 1943 г.) превратился в ведущего теоретика польских коммунистов. Имел за плечами сионистское прошлое и Павел Финдер – второй генеральный секретарь Польской рабочей партии, возникшей вместо распущенной Коминтерном КПП. Правда, его роман с сионизмом продолжался недолго и затронул лишь юношеские годы.

Причины популярности идей социального переустройства среди евреев в 1930-е гг., вероятно, крылись как в экономическом кризисе 1929–1933 гг., так и в мощной эмиграции, частично инициированной сионистами, призывавшими соплеменников выезжать в Палестину. В 1919 – августе 1939 г. Польшу покинуло примерно 385 тыс. евреев, из которых в Палестину уехало около 144 тыс.²⁰ Таким образом, электорат сионистов в Польше уменьшался, а левых –

¹³ Ibid. P. 264–281.

¹⁴ Ibid. P. 281.

¹⁵ Ibid. P. 125.

¹⁶ Markus J. Op. cit. P. 290; Cimek H. *Poglądy Komunistycznej Partii Polski na kwestię narodową. Sprawa rozwiązania partii // Tragedia Komunistycznej Partii Polski*. Warszawa, 1989. S. 109.

¹⁷ Markus J. Op. cit. P. 290–291.

¹⁸ Eisler J. *Polski rok 1968*. S. 91.

¹⁹ Cimek H. Op. cit. S. 108–109.

²⁰ Markus J. Op. cit. P. 388.

рос. Нельзя также сбрасывать со счетов и растущий антисемитизм, который склонял многих рабочих вступать в «Бунд», активно критиковавший буржуазное правительство Польши.

Основой идеологии КПП являлся строгий интернационализм и крайне отрицательное отношение к властям «панской Польши». Лишь во 2-й половине 1936 г., подчиняясь линии Коминтерна на создание антифашистских народных фронтов, КПП перестала увязывать вопрос о национальной независимости Польши с классовым характером польского правительства²¹. Рассматривая Советский Союз как отчизну мирового пролетариата, члены КПП были в значительной степени космополитичны. Соответственно, евреи, делавшие выбор в пользу коммунизма и фактически порывавшие связи с иудейской общиной, становились космополитами «в квадрате», потому что быть «своими» среди поляков они, как правило, не могли по причине отчетливых диалектных и, нередко, внешних различий. Но даже внутри партии евреи не всегда чувствовали себя уверенно. Так, генеральный секретарь ЦК КПП Ю. Лещинский-Леньский в своем докладе руководству Коминтерна в декабре 1936 г. обращал особое внимание на политические шатания «еврейского актива»²².

Столь же негативно, как к правящей элите, относилась КПП и ко всем еврейским организациям, выступавшим за компромисс с властями. При этом водораздел пролегал не только по политической, но и по религиозной линии. Строго атеистическая КПП, разумеется, не могла испытывать симпатий к традиционалистам и верующим сионистам. Отторжение было взаимным, так как правоверные иудеи столь же сильно негодовали на демонстративное безбожие своих соплеменников из Компартии и «Бунда»²³.

²¹ Cimek H. Op. cit. S. 104–105.

²² Ibid. S. 108.

²³ Chodakiewicz M. J. Op. cit. S. 93–95.

2. Вторая мировая война и участие евреев в формировании просоветских органов власти

После вторжения гитлеровцев в Польшу многие евреи нашли убежище в СССР. Среди них было и подавляющее большинство коммунистов-евреев. К тому времени в Коминтерне интенсивно разрабатывался проект восстановления КПП, распущенной в 1938 г. под предлогом засорения ее «агентами санации». В оккупированную фашистами Польшу начали забрасывать группы бывших членов КПП с целью создания на месте ячеек будущей прокоммунистической организации (каковая и была образована 5 января 1942 г. под именем Польской рабочей партии – ППР). Историк В. Розенбаум, автор статьи о польско-еврейских коммунистах в СССР, утверждает, что советские власти предпочитали отправлять за линию фронта поляков, а евреев использовали в качестве пропагандистов и организаторов в тылу, чтобы не подвергать лишней опасности возрождающуюся структуру. Однако сам же ученый признаёт, что в составе первых трех групп, отправленных в Польшу в 1941–1942 гг., находились евреи²⁴. Да и позднее, в 1944 г., представителем Отдела международной информации ЦК ВКП(б) при Армии Людовой (боевых формированиях ППР) был еврей Леон Касман – в прошлом член КПП. Поэтому мы не можем однозначно утверждать, что советские власти делали упор на национальность своих эмиссаров в Польше.

В марте 1943 г. в СССР возник Союз польских патриотов, который должен был послужить основой для будущего просоветского правительства Польши. Еще раньше началось формирование польской армии из бывших ссыльных ГУЛАГа. Поначалу советское руководство было против широкого допуска евреев – бывших граждан Польши – в ряды Войска Польского, предпочитая отправлять их в советские части. Это было следствием общей политики Политбюро ЦК ВКП(б), в соответствии с которой все жители бывших восточных районов Польши, включенных в 1939 г. в состав СССР, объявлялись советскими гражданами. Для поляков было сделано исключение, так как после установления дипломатических отношений с польским правительством в изгнании они стали рассматриваться в качестве граждан будущей возрожденной Польши. Первым примером подобной «сегрегации» явилось, пожалуй, отношение к участникам так называемой Армии Андерса, сформированной в 1942 г. Как вспоминал сам генерал Владислав Андерс, на него оказывалось давление с целью выдачи всех солдат и гражданских лиц непольской национальности, попавших в состав его войск (согласно официальной статистике, там было 4226 евреев, 714 украинцев, 123 русина и 1397 белорусов)²⁵.

Затем, по настоянию Главного правления Союза польских патриотов, евреев также стали записывать в состав польских вооруженных сил. По официальным данным, в двух польских армиях, сформированных на территории СССР, евреи составляли 5,5 % рядового состава, и 4 % – офицерского²⁶. Учитывая то, что многие польские евреи по тем или иным причинам скрывали свое этническое происхождение от советских работников и представителей СПП, реальные цифры должны быть выше. Истинное соотношение позволяют угадать данные о численности евреев среди политруков Войска Польского: в первой группе, состоявшей из 181 человека, было 30 евреев (то есть одна шестая часть). Всего же к августу 1943 г. евреи составляли 40 % от числа политработников Войска Польского. Столь высокий процент вызвал недовольство командующего польской дивизией им. Т. Костюшко Зыгмунта Берлинга и заместителя командующего по политико-воспитательной части Влодзимежа Сокорского (бывшего

²⁴ Rozenbaum W. The road to New Poland: Jewish communists in the Soviet Union, 1939–1946 // Jews in Eastern Poland and the USSR, 1939–1946. Edited by N. Davies and A. Polonsky. London, 1991. P. 216.

²⁵ Terlecki R. The Jewish issue in the Polish army, 1941–1944 // Jews in Eastern Poland and the USSR... P. 164–167.

²⁶ Rozenbaum W. Op. cit. P. 220–221.

члена КПП)²⁷. Немедленно был взят курс на искусственное снижение количества евреев в польских вооруженных силах. Им либо отказывали в праве сражаться в рядах Войска Польского, либо заставляли сменить фамилию. Как следствие, уже в мае 1944 г., согласно рапорту бывшего члена КПП Мечислава Метковского для правления Союза польских патриотов, из 100 польских учащихся офицерской школы в Сумах евреями были только три человека. А всего к 1945 г. число официально зарегистрированных евреев в Войске Польском составляло 6,4 %²⁸.

В самом Союзе польских патриотов евреи поначалу занимали 25 % всех постов²⁹. Однако в Главном правлении из 16 человек их было всего двое: коммунистка Юлия Брыстигер и социалист Болеслав Дробнер. Позднее к ним добавились бывший член КПП Якуб Берман и известный сионистский деятель межвоенной Польши Эмиль Зоммерштейн. Последний явно был введен в состав организации с целью расширить ее политическое и национальное представительство.

Тем временем в оккупированной Польше после ряда драматических событий, связанных с борьбой внутри руководства Польской рабочей партии, генеральным секретарем стал Владислав Гомулка. Он не входил в состав инициативных групп, заброшенных с территории Советского Союза, и был избран без консультаций с Москвой. Это противопоставляло его массе «московских поляков», которые находились под плотным колпаком Политбюро ЦК ВКП(б) и НКВД. По понятным причинам подавляющее большинство членов Польской рабочей партии, пребывавших в оккупированной гитлеровцами Польше, были этническими поляками. Уже одним этим они отличались от национального состава польских коммунистов, нашедших убежище в СССР. В дальнейшем это отразилось на сложных взаимоотношениях внутри правящей партии, наложив отпечаток на фракционную борьбу.

²⁷ Rozenbaum W. Op. cit. P. 221.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid. P. 220.

3. Первые послевоенные годы.

Наращение антисемитизма в правящей партии Приход к власти Польской рабочей партии сопровождался насильственным подавлением традиционных политических сил страны. Тот факт, что среди активистов ППР было немало евреев, способствовал новому взрыву антисемитских чувств поляков. Для многих жителей страны участие евреев в структурах новой власти являлось подтверждением старого тезиса о «жидо-коммуне». Военный курьер эмигрантского правительства доносил в октябре 1945 г.: «Фактически Польшей правят евреи и большевики. Высмеиваемый до войны лозунг “жидо-коммуны” теперь реализуется на практике. Польские коммунисты не имеют никакой власти даже в ППР. Евреи захватили все рычаги власти. Министерство иностранных дел, Министерство промышленности и торговли, Министерство безопасности почти исключительно в их руках. Заграничная торговля, радио, кино, театр, пропаганда, военные передвижные театры находятся в руках евреев»³⁰.

Действительно, во властных структурах послевоенной Польши было немало лиц еврейской национальности, особенно выходцев из КПП. Но значимые посты в разных правительствах, руководивших страной в 1944–1956 гг. (т. е. в период сталинизма), занимали лишь три еврея – министр промышленности Хиляры Минц (член КПП с 1922 г.), министр иностранных дел Зыгмунт Модзелевский (также коммунист с тридцатилетним стажем) и заместитель премьер-министра по вопросам общественной безопасности Якуб Берман. В Политбюро ЦК правящей партии в 1945–1956 гг. неизменно входили: Якуб Берман, Хиляры Минц и Роман Замбровский (член КПП с 1928 г.). Все они отвечали за ключевые области жизни страны: Минц – за индустриализацию, Берман – за идеологию и силовые структуры, Замбровский – за работу с партийными кадрами и борьбу с «вредительством» в экономике. Кроме того, Берман и Минц вместе с первым секретарем ЦК ПОРП Болеславом Берутом в 1948–1956 гг. формировали «узкое руководство», которое задавало тон в разных областях партийной и общественно-экономической жизни.

Следует сразу оговориться, что высокопоставленные функционеры-евреи не принимали никакого участия в культурной и тем более религиозной жизни своих соплеменников, считая себя прежде всего коммунистами, а уже потом – евреями³¹. Фракция ППР, существовавшая при Центральном комитете евреев в Польше, не сумела заручиться поддержкой ни одного раввина, жившего в стране, и к маю 1947 г. (незадолго перед тем, как ее местные ячейки были переподчинены напрямую ППР) объединяла в своих рядах не более 7 тыс. человек³². Отношение к этим людям со стороны декларативных сионистов выразил много позднее израильский политик правого толка Теодор Хаталюги: «Как сионисты и израильтяне мы никогда не перестанем критиковать позорную роль данных лиц, немало которых отличилось в пропаганде ненависти к нашему национальному возрождению и нашему государству»³³.

Весьма значительным было количество евреев в органах госбезопасности, заслуживших недобрую славу среди поляков своими варварскими методами работы и преследованиями тех лиц, которые в общественном мнении считались поборниками польской независимости (т. е. участников антифашистского подполья некоммунистической ориентации и представителей старых органов власти). Из 450 руководящих работников Министерства общественной безопасности в 1944–1956 гг. евреями были почти 30 %. Не все из них являлись довоенными коммунистами – таковых среди командного состава МОБ насчитывался 21 %. Число евреев в орга-

³⁰ Grabski A. Działalność komunistów wśród żydów w Polsce (1944–1949). Warszawa, 2004. S. 32.

³¹ Grabski A. Op. cit. S. 31–32.

³² Ibid. S. 26.

³³ Цит. по: Chodakiewicz M. J. Op. cit. S. 391.

нах госбезопасности сильно разнилось в зависимости от воеводства. Например, в Силезском воеводском управлении общественной безопасности в 1944–1956 гг. евреи занимали 10 ответственных постов из 65 (т. е. 15 %), а в Жешувском воеводстве из 102 постов на их долю пришлось лишь четыре³⁴. Наибольшее количество евреев оказалось в структурах госбезопасности следующих воеводств: Щецинского (18,7 %), Вроцлавского (18,7 %), Катовицкого (14,6 %), Лодзинского (14,2 %), Варшавского (13,6 %), Гданьского (12 %) и Люблинского (10,1 %). В остальных воеводствах их количество не превышало 7 %, а меньше всего было в Зеленой Гуре – 3,5 %. Если брать самый высокий уровень местного руководства, т. е. начальников и заместителей начальников воеводских управлений, то из 161 высокопоставленного функционера еврейскими были 22 человека³⁵.

Несомненно, такое количество евреев, непропорциональное их числу в стране (особенно после нацистского террора), бросалось в глаза. Например, келецкий епископ Чеслав Качмарек откровенно сообщал в 1946 г. американскому послу: «Госбезопасность – это организация, сравнимая с гестапо, и руководимая евреями»³⁶. Спустя годы упущения в кадровой политике Министерства общественной безопасности признал и один из влиятельных партфункционеров еврейского происхождения Роман Вэрфель (бывший член КПП, главный редактор органа ЦК ПОРП³⁷ «Нове дроги»): «Даже в пытках нужно соблюдать определенные принципы. Сташека должен бить другой Сташек, а не Мойша. В госбезопасности, как я теперь вижу, было слишком много евреев. Мы не подумали об этом тогда. Мы учли этот момент в торговле... Евреи слишком хорошо разбираются в торговле... и мы решили, что во внутреннюю торговлю в Польше мы их не допустим. Пускай идут во внешнюю торговлю, в издательства, в прессу, но только не во внутреннюю торговлю. А вот о госбезопасности мы не подумали, [а зря], ведь, повторяю, Сташека должен бить другой Сташек»³⁸.

С чем было связано столь большое число этого нацменьшинства в органах госбезопасности? Прежде всего, играла свою роль традиционно значительная еврейская прослойка среди активистов КПП и ППР. Эти коммунисты, прошедшие через польские тюрьмы и, нередко, советские лагеря, отличались фанатичной приверженностью своей идеологии, а потому воспринимали послевоенные польские реалии как очередной этап в войне труда и капитала. Они с готовностью записывались в ряды сотрудников госбезопасности, спеша воплотить в жизнь обуревавшую их идею. Впрочем, поляков среди таких людей было не меньше, чем евреев.

Немаловажное значение имели также военные переживания: жизнь в гетто, фашистские концлагеря и доноительство соседей. Приход Красной армии воспринимался евреями как долгожданное избавление от шестилетнего ужаса, а потому они намного охотнее, чем большинство поляков, шли на сотрудничество с новой властью.

Нельзя скидывать со счетов и мстительные побуждения: долгое время трактуемые как люди второго сорта, а затем методично уничтожаемые в гитлеровских лагерях смерти, евреи наконец получили возможность расквитаться сполна со своими обидчиками – немцами и поляками.

Наконец, работа в правоохранительных органах давала евреям защиту от насилия со стороны разного рода агрессивных антисемитов, а также обеспечивала их куском хлеба ввиду отсутствия каких бы то ни было других средств к существованию. Последнее, однако, в равной мере относилось и к полякам.

³⁴ A Handbook of the communist security apparatus in East Central Europe. 1944–1989. Edited by K. Persak and L. Kamiński. Warsaw, 2005. P. 241.

³⁵ Eisler J. Polski rok 1968. S. 100.

³⁶ Chodakiewicz M. J. Op. cit. S. 409.

³⁷ ПОРП – Польская объединённая рабочая партия. Возникла в декабре 1948 г. вследствие слияния Польской рабочей партии (ППР) и Польской социалистической партии (ППС). Фактически – правящая партия Польши с 1948 по 1989 гг.

³⁸ Torąńska T. Oni. Warszawa, 2004. S. 129.

Весьма значительным был также процент евреев среди творческой и научной интеллигенции страны. Само по себе данное явление не было чем-то новым для Польши. Например, в 1929 г. из 7,5 тыс. польских художников и литераторов евреями были 3 тыс. человек, из 9 тыс. ученых – 5 тыс., а из 14 тыс. инженеров и архитекторов – 6 тыс.³⁹ Всего же, согласно переписи населения от 1931 г., из 3 839 400 лиц, занятых свободными профессиями (включая ремесленников и предпринимателей), евреев насчитывалось 1 997 200⁴⁰. Причиной этого были трудности, которые чинились им при поступлении на работу в госаппарат довоенной Польши. Не видя для себя возможности сделать карьеру, евреи уходили в мелкий бизнес, творчество и гуманитарные области. При этом надо заметить, что как раз деятели культуры относились к наиболее полонизированным слоям еврейского населения Польши (в отличие, скажем, от рабочих и ремесленников, зачастую даже не говоривших по-польски)⁴¹. Большинство из них были уничтожены в период фашистской оккупации. Остальные же, кто успел бежать в СССР или сумел дожить до прихода советской армии, вскоре после войны либо отправились в Израиль и страны Запада, либо активно включились в восстановление мирной жизни (каковая тогда понималась как строительство социализма). Среди пропагандистов нового, социалистического искусства оказались деятели еврейского происхождения, такие как Павел Хоффман (один из ведущих публицистов послевоенной Польши), Ежи Борейша (директор издательского концерна «Чытельник»), литературоведы Ян Котт, Ежи Помяновский, поэты Адам Важи́к и Мечислав Яструн. Продолжали свою деятельность бывшие члены КПП философ Адам Шафф (быстро превратившийся в главного теоретика правящей партии) и писатель Юлиан Стрыйковский (известный книгами о еврейских местечках Галиции). В поддержку нового строя высказался и выдающийся польский поэт еврейского происхождения Юлиан Тувим.

К началу 1946 г. в Польше насчитывалось 93 тыс. евреев, причем в это число, судя по всему, входили также те из них, кто вернулся на родину вместе с армией Берлинга (таковых было 16–20 тыс.), а также вышедшие из советских лагерей в соответствии с соглашением о репатриации от сентября 1944 г. (таких насчитывалось около 30 тыс.)⁴². Среди последних было особенно много членов КПП, осужденных за сотрудничество с полицией и разведкой довоенной Польши, а потому не выпущенных из лагерей вместе с остальными польскими ссыльными и заключенными в 1942–1943 гг. Они вышли на свободу благодаря личному вмешательству члена Политбюро ЦК ППР Б. Берута, пользовавшегося особым доверием И. В. Сталина⁴³. Мироззрение этих людей описал один из них – Стефан Сташевский, еврей по национальности, член молодежных структур КПП с 1921 г., отбывший семилетнее заключение на Колыме, а затем занявший пост первого секретаря варшавского комитета партии. Он говорил: «Я вернулся в Польшу как коммунист. Это означает, что всей жизнью и идеологией я был связан с концепциями и программой, которые защищали коммунисты, другими словами – люди, с которыми я много лет сотрудничал... Эти люди, которые перед войной пришли вместе со мной в партию – в момент, совсем неподходящий для того, чтобы делать карьеру – не искали высоких постов или лучших условий быта. Уже одним фактом своего выбора они подставляли себя под удар... Эти люди сидели в тюрьмах, их исключали из вузов, выгоняли с работы, они часто отказывались от личного счастья, чтобы воплотить в жизнь свои стремления и идеалы... Я вернулся в Польшу с убеждением, что здесь будет не так, как в Советском Союзе, ибо мы –

³⁹ Markus J. Op. cit. P. 67.

⁴⁰ Ibid. P. 31.

⁴¹ Eisler J. Polski rok 1968. S. 91.

⁴² Eisler J. Polski rok 1968. S. 93; Litvak Y. Polish-Jewish repatriates from the USSR // Jews in Eastern Poland and the USSR... P. 230.

⁴³ Nazarewicz R. Od KPP do PPR (1938–1942). Kryzys polskiego ruchu komunistycznego w świetle dokumentów Międzynarodówki Komunistycznej // Tragedia Komunistycznej Partii Polski... S. 188–189.

другие... мы воспитаны в иной государственной и общественной традиции. Я вернулся с убеждением, что мы создадим какую-то новую модель. Общую в основах, но иную»⁴⁴.

6 июля 1945 г. было подписано новое польско-советское соглашение о репатриации. Как следствие, к концу июля 1946 г. в Польшу из СССР прибыло 157 420 евреев. В результате численность еврейского населения в стране возросла до 240 тыс. человек. Всего же к концу 1949 г. вернулось примерно 230 тыс. евреев⁴⁵. Такой наплыв в свою очередь вызвал волну погромов, прокатившуюся по Хелму, Хшанову, Ченстохове, Кельце, Кракову, Радому и Жешуву. Особенно кровавый исход имел келецкий погром, произошедший 4 июля 1946 г. и унесший жизни 42 человек⁴⁶. Результатом этого была столь же мощная волна еврейской эмиграции из Польши. В июне – сентябре 1946 г. страну покинуло 63 тыс. евреев. Всего же к июлю 1947 г. в лагерях для перемещенных лиц на территории Австрии, Германии и Италии насчитывалась 121 тыс. беженцев из Польши. В целом с 1945 по 1955 г. Польшу покинуло более 200 тыс. евреев⁴⁷. Среди эмигрантов оказались и два первых председателя Центрального комитета евреев в Польше: Эмиль Зоммерштейн (уехал в 1946 г. в США) и Адольф Берман, брат члена Политбюро ЦК ППР и ПОРП Я. Бермана (уехал в 1950 г. в Израиль, где вступил в местную компартию). К осени 1948 г. в Польше насчитывалось примерно 100 тыс. евреев, а в 1951 г., когда власти запретили выезд в Израиль, – только 80 тыс.⁴⁸

Отношение властей к еврейскому меньшинству в стране было в общем благожелательным. В армии З. Берлинга с самого момента ее возникновения действовали раввины. В феврале 1945 г. правительство выдало разрешение на восстановление Еврейского вероисповедального объединения (с 1946 г. – Конгрегация, с 1949 г. – Религиозный союз веры Моисеевой). К 1947 г. еврейские конгрегации существовали уже в 80 населенных пунктах, в основном – на западных землях. Было восстановлено 40 синагог, свою деятельность осуществляло 45 раввинов. Работали самоуправляемые еврейские религиозные школы всех уровней. Государство даже планировало создать еврейские анклавов, главным образом – на западных землях (например – в Валбжихе)⁴⁹. Тогда же прошли судебные процессы над некоторыми виновниками массовых убийств евреев в Едвабне и Радзилове (Белостокское воеводство), произошедших в 1941 г. Власть также использовала в своих целях погром в Кельце, возлагая ответственность за него на политическую оппозицию и католическую церковь⁵⁰. Обвинения в антисемитизме вообще стали одним из орудий официальной пропаганды, которая таким образом стремилась опорочить всех противников нового строя⁵¹. Существенную поддержку со стороны властей получили и сионисты (вследствие позиции СССР, который на тот момент рассматривал их как союзников в борьбе с «британским империализмом»). В 1947–1948 гг. в силезском Болькове даже действовал учебный центр боевой организации сионистов «Хагана», где преподавали инструкторы-коммунисты⁵². Но на рубеже 1940–1950-х гг., параллельно с резким охлаждением советско-израильских отношений, ужесточилась и политика в отношении польских евреев, в част-

⁴⁴ Torafińska T. Op. cit. S. 150.

⁴⁵ Nazarewicz R. Op. cit. S. 235; Eisler J. Polski rok 1968. S. 93.

⁴⁶ Eisler J. Polski rok 1968. S. 96.

⁴⁷ Ibid. S. 93; Nazarewicz R. Op. cit. S. 238; Костырченко Г. В. Советско-польские отношения и еврейский вопрос. 1939–1957 // Польша – СССР. 1945–1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого. Отв. ред.: Э. Дурачинский, А. Н. Сахаров. Москва, 2005. С. 304.

⁴⁸ Eisler J. Polski rok 1968. S. 97.

⁴⁹ Żaryn J. Dzieje kościoła katolickiego w Polsce (1944–1989). Warszawa, 2003. S. 57.

⁵⁰ Dudek A., Gryz R. Komuniści i Kościół w Polsce (1945–1989). Kraków, 2003. S. 20; Яжборовская И. С. Вовлечение Польши в сталинскую блоковую политику // Сталин и холодная война. М., 1998. С. 112.

⁵¹ Aleksiu N. Dokąd dalej? Ruch syjonistyczny w Polsce (1944–1950). Warszawa, 2002. S. 97.

⁵² Ibid. S. 207; Chodakiewicz M. J. Op. cit. S. 389.

ности, была свернута деятельность сионистских организаций, распущены все возрожденные еврейские партии и запрещен выезд в Израиль⁵³.

В 1947 г. при активной поддержке властей и советских спецслужб было создано Товарищество ПАКС – организация христианско-социалистической направленности, чье руководство (Б. Пясецкий, З. Пшетакевич, А. Лашовский и др.) в значительной мере состояло из антисемитски настроенных деятелей, до войны входивших в состав ультранационалистической организации ОНР-Фаланга. ПАКС был необходим властям как орудие против католической церкви, однако упорная юдофобия его лидеров ни для кого не была секретом. Имея тесные связи с верхушкой правящей партии, ПАКС претендовал на роль посредника между государством и костелом, но в то же время не слишком приветствовал «еврейскую группу» в Политбюро и правительстве. В частности, из недр ПАКС вышла так называемая «секретная директива Бермана» – документ, сработанный по образцу «Протоколов сионских мудрецов», в котором польским евреям приписывалось желание захватить все рычаги управления в стране⁵⁴.

В 1948 г. в ППР столкнулись между собой два течения. Первое, представленное генеральным секретарем ЦК В. Гомулкой и некоторыми его соратниками по антифашистскому подполью (З. Клишко, И. Лёга-Совиньским, М. Спыхальским, Г. Корчинским, В. Беньковским и др.), выступало против насильственной коллективизации крестьян и воссоздания наднационального органа коммунистического движения взамен распущенного в 1943 г. Коминтерна. Гомулка, кроме того, не был склонен записывать в разряд врагов югославского лидера И. Броз-Тито, против которого была направлена пропагандистская и организационная машина Коммунистического информационного бюро – наследника Коминтерна. Второе же течение, представленное формально беспартийным президентом Польши Б. Берутом (членом КПП с 1918 г.) и большинством членов Политбюро и ЦК ППР (Я. Берманом, Р. Замбровским, Х. Минцем, Э. Охабом, А. Завадским, Ф. Юзьвяком, С. Радкевичем, К. Миялем и др.), слепо следовало курсом И. В. Сталина и обвиняло сторонников Гомулки в правонационалистическом уклоне. Почти все противники генерального секретаря были так называемыми «московскими поляками», то есть во время войны находились в Советском Союзе либо были заброшены в оккупированную гитлеровцами Польшу с советской территории. Эта линия водораздела была очевидна и для советского посла В. З. Лебедева, который в марте 1948 г. сообщал в Москву: «В руководстве ППР сложились и действуют две борющиеся друг против друга группировки: одна – вокруг Гомулки, включающая в себя лиц, зараженных польским шовинизмом, и другая – вокруг Минца, включающая в себя работников партии, которые во время войны находились в СССР и которые характеризуются явно “промосковской ориентацией”»⁵⁵. Понятно, что за такими людьми стояла вся мощь военного, идеологического и репрессивного аппарата СССР. В начале сентября 1948 г. пленум ЦК ППР снял Гомулку с поста партийного лидера. 9 декабря того же года прошла личная встреча опального политика со Сталиным, а спустя пять дней Гомулка написал советскому вождю письмо, в котором, пожалуй, впервые открыто заявил о наличии «еврейского вопроса» в правящей партии Польши. По его словам, в государственном и партийном аппарате страны было слишком много евреев, причем часть из них «не чувствует себя связанной с польским народом... никакими нитями или же занимает позицию, которую можно назвать национальным нигилизмом»⁵⁶.

В научной литературе уже высказывалось предположение, что данный пассаж отставного руководителя был вызван стремлением сыграть на всё более нараставших антисемитских чув-

⁵³ Aleksium N. Op. cit. S. 207–220.

⁵⁴ Куняев С. Ю. Шляхта и мы. М., 2002. С. 157–159, 168–172; Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 309.

⁵⁵ Цит. по: Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. М., 2008. С. 509.

⁵⁶ СССР и Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сборник документов. Под ред. Г. Бордюгова, Г. Матвеева, А. Косеского, А. Пачковского. М., 1995. С. 274–275.

ствах Сталина ввиду явных произраильских симпатий множества советских евреев⁵⁷. Однако подобную точку зрения не позволяет принять сам стиль письма. Во-первых, оно вовсе не похоже на обычный антисемитский пасквиль по образцу пресловутой «секретной директивы Бермана». Гомулка просто перечислял причины, по которым он отказывался баллотироваться в новый состав Политбюро, и среди прочего назвал «персональную», а точнее, кадровую политику партии. Более того, он упомянул, что уже не раз поднимал этот вопрос, и, словно продолжая заочный спор со своими оппонентами, говорил: «Не соответствует истине тот факт, что только серьезный недостаток польских партийных кадров делает невозможным проведение иной, чем существующая теперь, персональной политики»⁵⁸. Во-вторых, если бы Гомулка действительно хотел избавиться от своих соперников по партии, взяв на вооружение пропагандистский арсенал кампании по борьбе с космополитизмом, то, наверное, наполнил бы свое послание соответствующими формулировками. Однако бывший генеральный секретарь этого не сделал. Напрашивается вывод, что Гомулка был искренен, когда говорил, что большой процент евреев препятствует расширению социальной базы партии, и надеялся, что Сталин обратит внимание на этот наболевший вопрос. Неслучайны его слова: «Я располагаю многочисленными документами, подтверждающими, что существующее положение дел в области состояния руководящих кадров как в партии, так и в государственном аппарате вызывает серьезную тревогу и недовольство. В то же время в партии, особенно после августовского пленума [1948 г.], сложилась такая обстановка, когда никто не имел мужества высказать критические замечания против нынешней персональной политики. Недовольство же выражается в кулуарах»⁵⁹.

Аналогичную озабоченность высказывали и работники советского посольства. В уже приводившемся донесении советского посла от марта 1948 г. имеются такие строки: «Группа Г. Минца, как всякая подобная группа, идет по ошибочному пути: борясь против польского шовинизма в партии, сама складывается как еврейская группа»⁶⁰. Летом 1949 г., на волне кампании по борьбе с космополитизмом в СССР, посол Лебедев сообщил министру иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому, что руководящая в ПОРП группировка явно страдает еврейским национализмом, покровительствует еврейским националистическим организациям и стремится изолировать Берута от «польских товарищей». «Аппарат министерства госбезопасности, начиная с заместителей министра и включая всех начальников департаментов, не имеет ни одного поляка. Все – евреи. В департаменте разведки работают только евреи...» Посол настаивал на необходимости замены министра госбезопасности и проведении чистки в ведомстве⁶¹.

Даже после смерти И. В. Сталина и спада антисемитской волны в СССР из Польши продолжали доноситься призывы к ограничению числа евреев в руководящих органах. Так, 20 октября 1953 г. министр обороны ПНР К. К. Рокоссовский проинформировал советника посольства СССР Д. И. Заикина, что в политуправлении Войска Польского кадры укомплектованы по семейному и национальному признаку (с преимуществом евреев), а Берут находится под влиянием Бермана, Минца и Замбровского. Советские лидеры (Н. С. Хрущёв, Г. М. Маленков, В. М. Молотов, Н. А. Булганин) откликнулись на это пожеланием польской верхушке сделать оргвыводы и «серьезно заняться выдвижением руководящих кадров из числа выросших и преданных партии товарищей польской национальности»⁶².

⁵⁷ Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 309.

⁵⁸ СССР и Польша. Механизмы подчинения... С. 274.

⁵⁹ Там же. С. 275.

⁶⁰ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Указ. соч. С. 510.

⁶¹ Там же. С. 552.

⁶² Там же. С. 265.

Из этих заявлений самым шатким выглядит письмо Лебедева, написанное летом 1949 г. Его тезис о потворстве еврейским националистическим организациям (прежде всего, «Джойнту») сильно напоминает аналогичные «заклинания» советской пропаганды того времени, когда везде виделись происки сионистов и космополитов. Лебедев, будучи государственным чиновником, конечно, не мог остаться в стороне от очередной политической кампании, а потому старательно занимался распознаванием еврейского элемента на поднадзорной территории. Чтобы понять, насколько его доклад не соответствовал действительности, достаточно сказать, что как раз летом 1949 г. в Польше интенсивно шел процесс уничтожения всех независимых от ПОРП еврейских структур, в особенности националистических (т. е. сионистских и традиционалистских).

Значительно большего внимания заслуживает сообщение Рокоссовского. Известно, что у него не сложились отношения с руководством ПОРП, которое считало его чужеродным телом в своем организме. Однако вряд ли столь прямолинейный человек, как Рокоссовский, стал бы прибегать к разного рода грязным приемам, чтобы опорочить кадровый состав политуправления Войска Польского. Представляется, что он был искренен, когда указывал, что данное ведомство укомплектовано по семейному и национальному признаку. Очевидно, у министра, как до него у Берлинга и Сокорского, вызывала раздражение бросающаяся в глаза численность евреев в данной структуре.

В принципе, Гомулка был недалек от истины, когда говорил, что часть его однопартийцев страдает национальным нигилизмом. Действительно, многие «московские поляки» рассматривали Польшу как очередной взятый коммунистами бастион, а потому для них не имело смысла рассуждать о каком-то самостоятельном пути страны к социализму. Любой, кто так ставил вопрос, однозначно расценивался как пособник буржуазного национализма. Отсюда и тезис о правонационалистическом уклоне Гомулки. Например, издатель Е. Борейша, идейными и родственными нитями связанный с высшими кругами партаппарата (его братом был заместитель министра общественной безопасности Ю. Ружаньский), сообщал одному из советских дипломатов 30 марта 1948 г.: «...Гомулка, как вы знаете, националист, как и многие поляки». По его мнению, Берман и Минц были «куда более спокойными и рассудительными людьми»⁶³. Позднее, когда политическая линия правящей партии радикально изменилась, подобные убеждения начали расцениваться как левацкий курс, особенно присущий «скрытым сионистам». Но в конце 1940-х гг. в таком духе не раз высказывались многие представители государственного и партийного истеблишмента Польши, в том числе и нееврейского происхождения. Например, член Политбюро ЦК ППР и ПОРП Александр Завадский, некоторое время занимавший пост председателя Государственного Совета, утверждал позднее, что отказаться в поддержке Гомулке его побудили соображения коммунистического интернационализма. «Мы – не одинокая Народная Польша, – говорил он, описывая настроения того времени. – Мы – Народная Польша, снова связанная узами с другими коммунистическими и рабочими партиями, в том числе с ВКП(б)...»⁶⁴ Глава управления общественной безопасности в Лодзи Мечислав Мочар, позднее прославившийся лидером партийных антисемитов, заявил в августе 1948 г. на пленуме ЦК: «Советский Союз – это не просто союзник. Для нас, партийцев, это – наша родина, границы которой трудно определить. Сегодня они за Берлином, а завтра – на Гибралтаре»⁶⁵. Таким образом, оба деятеля отстранялись от «националиста» Гомулки с его тезисом об особом, «польском пути к социализму».

⁶³ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Указ. соч. С. 511.

⁶⁴ Яжборовская И. С. Указ. соч. С. 96.

⁶⁵ Machcewicz P. Władysław Gomułka. Warszawa, 1995. S. 27; Wieczorkiewicz P. Mimo wszystko Stalin nas szanował // Dziennik, 11.08.2007.

В 1949–1951 гг. в Польше проходили многочисленные аресты лиц, заподозренных в правонационалистическом уклоне, а также в связях с югославской и англо-американской разведками. Подготавливался большой судебный процесс В. Гомулки и его «соучастников». Стремясь обосновать наличие разветвленного межгосударственного заговора, верхушка ПОРП сносилась с советским руководством и лидерами других стран народной демократии, где проходили аналогичные процессы над своими «отступниками», вроде Ласло Райка и Трайчо Костова. Смерть И. В. Сталина 5 марта 1953 г., казалось, должна была положить всему этому конец, но Политбюро ЦК ПОРП, раздосадованное, очевидно, тем фактом, что не успело до смерти «вождя мирового пролетариата» провести по-настоящему крупный процесс над собственными «отщепенцами» в партии (в отличие от всех остальных стран советского блока), продолжало раскручивать маховик репрессий. 19 марта 1953 г. снова был взят под арест бывший председатель фракции ППР в Сейме Зенон Клишко (член Компартии Польши с 1931 г.), а 22 мая 1954 г. на тайном судебном заседании был приговорен к пожизненному заключению ветеран гражданской войны в Испании и бывший помощник министра общественной безопасности Гжегож Корчинский. Среди прочего его обвинили в убийствах евреев во время войны (в 1942–1943 гг. его партизанский отряд действительно произвел несколько экзекуций на еврейских коммунистах в рамках внутривнутрипартийной борьбы⁶⁶). Это было беспрецедентным фактом в истории политических репрессий в Польше и, вероятно, вытекало из изменившихся правил игры, когда улучшение отношений СССР с Югославией сняло с повестки дня обычный до тех пор пункт о связях с «титовской агентурой».

После развенчания культа личности и возвращения Гомулки на политический Олимп период с 1948 по 1956 г. стал именоваться в официальной пропаганде «временем ошибок и искажений», а в среде разнообразных антисемитов (в том числе с партийными билетами) получил негласное наименование «еврейского засилья». Причинами этого, как уже упоминалось, являлось, во-первых, большое число евреев в органах госбезопасности, а во-вторых, присутствие нескольких евреев в составе Политбюро ЦК ПОРП. В опровержение этого тезиса также не раз указывалось, что среди людей, непосредственно причастных к установлению в Польше сталинских порядков, было немало поляков, в том числе и самого высокого ранга (первый секретарь ЦК ПОРП Болеслав Берут, премьер-министр Юзеф Циранкевич, министр общественной безопасности Станислав Радкевич, члены Политбюро и Оргбюро ЦК ПОРП Александр Завадский, Франтишек Мазур и Эдвард Охаб, заместитель премьер-министра Зенон Новак, секретарь варшавского комитета партии Казимеж Мияль, председатель Центрального совета профсоюзов Виктор Клоевич, министр обороны Константин Рокоссовский, председатель Центральной комиссии партийного контроля Франтишек Юзвьяк, министр культуры Владзимеж Сокорский и многие другие). Но нельзя не заметить, что если среди поборников сталинского курса встречались как евреи, так и поляки, то среди осужденных за правонационалистический уклон были только поляки. Такое положение являлось закономерным следствием этнического состава тех активистов ППР, которые весь период войны провели в Польше и привыкли видеть в Гомулке своего лидера. Это также имело свой отзвук в дальнейшей эволюции правящей партии Народной Польши.

Предупреждение Гомулки о глухом недовольстве многих членов партии и работников органов власти кадровым, а точнее, национальным составом правящей элиты имело под собой все основания. Уже вскоре после окончания войны сотрудник советской госбезопасности обращал внимание начальства на то, что значительная часть служащих в государственном аппарате пеняет на еврейское засилье в министерствах и ведомствах. В 1947 г. комиссар по вопросам обеспечения еврейского населения в Кракове информировал верхи: «Сохраняется более или менее скрытая неприязнь к евреям, свойственная также и низам демократических партий (т. е.

⁶⁶ Chodakiewicz M. J. Op. cit. S. 172.

ППР и ее союзников. – В. В.), хотя и в значительно меньшей степени. То же самое касается армии и милиции»⁶⁷. Последнее подтвердилось в ходе келецкого погрома, когда активное участие в избиении евреев приняли военнослужащие и сотрудники министерства госбезопасности⁶⁸ – той самой госбезопасности, чью деятельность, по мнению келецкого же епископа Кач-марека, якобы направляли евреи.

Всё это свидетельствовало о том, что бытовой антисемитизм никуда не исчез, даже если часть населения встала на путь сотрудничества с новой властью, принимая, вроде бы, ее лозунги пролетарского интернационализма. Рабочие, крестьяне и интеллигенция, даже вступая в ППР или какие-либо официальные структуры, по-прежнему находились под сильным влиянием польской католической церкви (чье отношение к иудаизму и евреям было хорошо известно), а кроме того, многие из них в прошлом так или иначе взаимодействовали с разными политическими организациями, которые тоже не слишком жаловали евреев (например, крестьянские партии, обвинявшие их в эксплуатации деревни⁶⁹) или даже открыто провозглашали врагами Польши (как упоминавшиеся уже национал-демократы), что не могло не сказаться на мировоззрении масс.

Учитывая всё вышесказанное, можно понять обеспокоенность Гомулки и некоторых других представителей партноменклатуры чрезмерным количеством евреев в партийно-государственном аппарате. Уже в 1949 г. А. Завадский говорил в доверительной беседе: «Для меня совершенно ясно, что группа в лице Бермана, Замбровского и Минца захватила в свои руки фактическое руководство ПОРП и умело отодвигает Берута на задний план... Я считаю, что засилье евреев в партийных и государственных органах Польши является серьезной политической проблемой»⁷⁰. А в конце сентября того же года министр общественной администрации Владислав Вольский (бывший член КПП) в личной беседе с одним из сотрудников советского посольства раскритиковал Я. Бермана, заметив, что из-за господства «лиц еврейской национальности» в министерстве общественной безопасности Москва не получает объективную информацию о событиях в Польше. В апреле 1950 г. Вольский даже обратился к советскому послу с просьбой разрешить ему встретиться со Сталиным, чтобы донести до советского вождя свою озабоченность «еврейским вопросом». Тогда же, согласно спецдонесению ТАСС, член ЦК ПОРП, бывший социалист Стефан Матушевский следующим образом высказался о решении Политбюро ЦК ограничить полномочия Я. Бермана и Р. Замбровского: «Многие работники ЦК – евреи – рассматривают это решение как наступление против партийных работников-евреев, отстранение их от руководства партией... это решение будет горячо одобрено всей партией»⁷¹.

Однако советские верхи не поддались подобным настроениям. Причиной тому, несомненно, было то, что Берман, Минц и ряд других деятелей, которых причисляли к «еврейской группе», являлись доверенными лицами Сталина в ПОРП. А кроме того, как быстро выяснилось, начиная атаку на них, Вольский руководствовался отнюдь не заботой о продвижении польских кадров, а личными амбициями. Как сообщал советник МГБ СССР в Польше, сам Вольский следующим образом объяснял мотивы своих действий: «В настоящее время я веду борьбу с руководством партии. Там есть такие люди, которые хотят меня отодвинуть на задний план, поэтому у меня с ними идет борьба за власть»⁷². В силу этого советская верхушка не поддержала Вольского, когда тот выступил с предметной критикой кадровой политики ПОРП

⁶⁷ Aleksium N. Op. cit. S. 98.

⁶⁸ Paczkowski A. Pół wieku dziejów Polski. Warszawa, 2005. S. 129–130.

⁶⁹ Chodakiewicz M. J. Op. cit. S. 49.

⁷⁰ Цит. по: Костырченко Г. В. Указ. соч. С. 310.

⁷¹ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Указ. соч. С. 553.

⁷² Там же. С. 553.

на майском пленуме 1950 г. Результатом этого пленума было исключение Вольского из состава ЦК «за интриганство, двурушничество, за диверсионную деятельность против единства партии»⁷³.

⁷³ Там же. С. 554–555.

4. Общественно-политический кризис 1956 г. и обострение межнациональных противоречий

Смерть Сталина, политическая борьба в советских верхах и осторожное дуновение «оттепели» явились толчками к новому столкновению внутри ПОРП. В декабре 1953 г. бежал на Запад один из высокопоставленных функционеров польской госбезопасности Юзеф Святло, ведавший борьбой с «контрреволюцией» в партии (в частности, именно он производил арест В. Гомулки). Его бегство, по всей видимости, было вызвано падением некогда всесильного шефа советских спецслужб Л. П. Берии, опекавшего коллег из Восточной Европы. Вскоре, с сентября 1954 г., Святло начал выступать по радио «Свободная Европа» с разоблачительными передачами о методах работы органов внутренних дел в Польше. Это послужило причиной для разбирательства в Политбюро ЦК ПОРП и позднейшего разделения Министерства общественной безопасности на МВД и Комитет общественной безопасности. Ряд руководителей старого ведомства (С. Радкевич, М. Метковский, Ю. Ружаньский, А. Фейгин) лишился своих постов, в отношении некоторых из них спустя какое-то время были возбуждены уголовные дела «за нарушения социалистической законности». Таким образом, были серьезно поколеблены позиции органов госбезопасности, а опосредованно – и всей правящей элиты. Начались реабилитации и освобождения из тюрем политзаключенных, в том числе пострадавших за правонационалистический уклон. На совещании центрального партийного актива 29 ноября – 1 декабря 1954 г. критике подвергся всемогущий до того момента Я. Берман, а член ЦК В. Кloseвич открыто поставил вопрос о юридической обоснованности ареста Гомулки⁷⁴.

В конце февраля 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором с тайным докладом о культе личности выступил Н. С. Хрущёв. А 12 марта в Москве умер Б. Берут. Начавшееся вскоре в Польше массовое общественное движение за демократизацию и завоевание полноценного государственного суверенитета значительно усилило ажиотаж, связанный с делом наследства бывшего партийного лидера.

На проходившем в марте 1956 г. VI пленуме ЦК ПОРП обнаружился явный раскол ЦК на две группы – «натолинцев» и «пулавян», трения между которыми будут определять внутрипартийные отношения во 2-й половине 1950-х – 1960-е гг. В историографии сложилась точка зрения, что «натолинцы» (названные так по имени варшавского района, в одном из особняков которого участники группы проводили свои встречи) относились к консервативному крылу правящей верхушки. Они якобы выступали за сохранение жесткого политического и экономического курса при условии отказа от «перегибов» и наказания виновных в «ошибках» старого руководства. Такое мнение, на наш взгляд, звучит слишком упрощенно и не вполне отражает цели этого течения.

Единственное, что не подлежит сомнению, – это стремление «натолинцев» отмежеваться от Берута, Бермана, Минца, Замбровского, Радкевича и их ближайшего окружения. «Натолинцы» в открытую говорили о неумеренной представленности евреев в правящих структурах партии и госбезопасности и, будучи выходцами из рабоче-крестьянской среды, весьма холодно относились к интеллигенции. К наиболее влиятельным «натолинцам» причисляют: В. Кloseвича, С. Лапота (заместителя премьер-министра), З. Новака, К. Мияля, Б. Руминьского (министра сельскохозяйственной промышленности и продовольствия), К. Виташевского (заместителя министра обороны, начальника Главного политического управления вооруженных сил), Х. Хэлховского (кандидата в члены Политбюро, председателя президиума воеводского совета

⁷⁴ Орехов А. М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. М., 2005. С. 40–41.

во Вроцлаве), Ф. Юзвяка, А. Завадского, В. Двораковского (начальника Комитета общественной безопасности).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.